

НАДО ПОСМОТРЕТЬ

Достоевский у микрофона

Театр «Дилижанс» предъявил зрителям премьеру – спектакль «Карамазовы»

НАТАЛЬЯ ХАРИТОНОВА
mail-ps@mail.ru

Эскизная версия нового спектакля была представлена на 11-м фестивале «Премьера одной репетиции». Не очень впечатлила меня, но очень понравилась голосовавшему за эту работу зрителю.

Предчувствие вопросов

А зритель, как водится в фестивальном «Дилижансе», всегда решает судьбу эскиза, либо предлагая ему репертуарную судьбу, либо оставляя лишь среди воспоминаний заядлых театралов и критиков.

На этот раз «Карамазовым» повезло, и первая сценическая версия молодого питерского режиссера Евгения Колесниченко по роману Достоевского победила. А значит, эскизу суждено было расти, расти и дорасти до настоящего спектакля.

Так что встретиться с уже знакомой режиссерской идеей в апреле-2021 было безумно интересно. Что останется от начальной концепции постановки? Кто войдет в обновленную играющую «Карамазовых» команду? Как распорядился режиссер тем недолгим временем, которое отделило фестивальную версию заявочного эскиза от премьеры? Какую краску внесет в спектакль настоящее сценографическое решение, которого в эскизах практически не бывает?

Стендап без комиков

Хотите верьте, хотите нет, но режиссер Евгений Колесниченко, вполне возможно, войдет в историю театра как человек, придумавший и осуществивший новый жанр – трагический стендап.

Стендапами ни в мире, ни теперь уже и в России никого не удивишь. Но классика жанра – стендап комический. Возможность монологизировать и смешить. Смешить и импровизировать. Чаше – у микрофона, но можно и без. Импровизатор добивается зрительского веселья как и чем угодно: как говорит-ся, он и создатель собственного монолога, и певец, и на дуде игрец, и режиссер, и мим, и сам себе хореограф, если придется.

Колесниченко приехала в Тольятти со смелой, я бы сказала, дерзкой идеей прочитывать в этом жанре финальную эпопею великого русского классика – роман «Братья Карамазовы». И Евгения убеждена, что «Карамазовы» – это мы. Это отражение всего общества, по-брейгелевски уродливое. Ведь в каждом из нас есть что-то от Карамазовых». Эта экспериментальная задача режиссера поначалу кажется и вовсе неподъемной, невозможной, ну

или довольно искусственной. Но, не боясь провала и уважая автора, Колесниченко-режиссер на пути к премьере все же меняет подход к стендапу, лишая его импровизации. Она берет в помощники специалиста по стендапам Артема Казюханова, но, по сути, свободный микрофон теперь как будто «держит в руках» сам Достоевский. И это честно. Ведь мы и шли на Достоевского.

За время паузы между фестивалем «Премьера одной репетиции» и премьерной афишей этот спектакль так изменился и вырос, что мы получили реальное обещание театра увидеть через какое-то время еще более взрослую работу. Ведь это тот случай, когда «Карамазовы» в театре «Дилижанс» явно обещают расти вглубь еще и еще.

Читали-перечитывали

Совсем недавно мне довелось послушать лекцию великого мастера режиссуры Льва Додина. Он говорил с молодыми актерами и по-питерски сдержанно негодовал по поводу того, что моло-

дые люди не читают литературы, в которой играют. Или читают только ее и ничего вокруг.

Заметно, что молодые дилижансовцы всерьез погружены в роман, сломали вокруг него не одно копые и точно будут читать не только Достоевского, но и все, что связано с мрачной симфонией Федора Михайловича. Поэтому за время паузы между фестивалем «Премьера одной репетиции» и премьерной афишей этот спектакль так изменился и вырос, что мы получили реальное обещание театра увидеть через какое-то время еще более взрослую работу. Ведь это тот случай, когда «Карамазовы» в театре «Дилижанс» явно обещают расти вглубь еще и еще.

Сегодня и всегда

Актеры играют спектакль в простой, лаконичной и не слишком мрачной сценографической картинке. Декорации Ольги Заруби-

ной легко относят нас и к новому жанру спектакля, и к сегодняшнему, завтрашнему и послезавтрашнему Достоевскому. И Федор Михайлович, похоже, не против. Как, мне кажется, не против он и того, что костюмы от Ирины Шугаевой все так же обыденно, но не делано вписаны в сегодняшний день. Грубые ботинки, защитный жилет, капюшоны, «блэк-ну-вайт», современные стрижки. И эта современность совсем не то, что лукавая театральная осовременность. Потому что по большому счету в очередном стендапе ты вдруг понимаешь, что тебе все равно, какие ботинки на Смердякове – Кудрявкине и в какие шмотки зябко кутается Иван Карамазов. Потому что они точно – из Достоевского.

Из Достоевского Федор Карамазов Олега Андюшкина, из «Карамазовых» Дмитрий Петра Зубарева, Иван Константи-на Ткаченко, Алексей Максима

Факт

●● Режиссер спектакля убеждена, что «Карамазовы» – это мы. Это отражение всего общества, по-брейгелевски уродливое. Ведь в каждом из нас есть что-то от Карамазовых».

Никлуса. Все эти талантливые мужские работы то как будто примиряет меж собой, то обостряет и закольцовывает своим бессловесным горьким шелком единственный женский персонаж спектакля – Грушенька Татьяна Сундуковой.

«Повзрослел», отошел от некой высокой пафосности, которая была в эскизе спектакля, обрел новые краски Федор Карамазов. Набрала вес трагическая работа Олега Андюшкина, единственного актера, не вступившего по воле режиссера на минное поле стендапа.

А поле точно минное. Опасное и рискованное существование в стендапах дается каждому по-своему, но точно берет за душу зрителя. Глаза в глаза. От Достоевского через Никлуса или Зубарева – прямо к тебе, заслушавшемуся, задумавшемуся. Горько, тревожно, остро, болезненно...

Стендап в спектакле отсекается от действия переключением света. Но кажется мне, что этот негромкий тумблер переключения мог бы быть более явным и резким. Что этот момент смены полюсов на сцене требует усиления. Мне хочется акцента на форму. И потому, что форма спектакля такова. И потому, что у актеров сама эта «переключка» получается как раз заметнее и полноценнее, чем в режиссерском решении. Впрочем, и оно тоже будет расти.

